

Ярхо и Шпет

Восстанавливая историко-научный контекст творчества Б.И. Ярхо (1889–1942), невозможно обойти вниманием фигуру Г.Г. Шпета. Тем, кто погружался в историю эстетических и методологических идей в двадцатые годы ушедшего столетия, на первый взгляд может, наверное, показаться, что Ярхо и Шпет – люди с настолько различным научным темпераментом, со столь несовпадающим профессиональным *credo*, что сопоставление их методологических воззрений едва ли поможет лучше понять одного или другого. Действительно, различия их во взглядах на предмет, на методы науки о литературе как будто гораздо более значимы, чем сходства. Но тем интереснее моменты взаимного согласия, как будто приоткрывающие истину.

Для соотнесения двух этих имен имеется, прежде всего, надежное биографическое основание. И Шпет, и Ярхо служили в Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН), причем Шпет был фактически первым лицом в Академии, ее идеологом и организатором. Ярхо был избран действительным членом в мае 1923 г. и сразу же стал самым активным сотрудником Литературной секции, где он в разное время возглавлял комиссию техники художественного перевода, кабинет теоретической поэтики и подсекцию всеобщей литературы, состоя, помимо того, в фольклорной и театральной секциях (см. [Акимова, Шапир 2006: v]). В ГАХН Шпет был оппонентом Ярхо. Ярхой страницей в истории Академии стали их параллельные выступления на одну и ту же тему – «О границах научного литературоведения». В оживленной дискуссии, растянувшейся на четыре заседания (24 и 31 октября, 24 ноября и 1 декабря 1924 г.), приняли участие такие филологи и философы, как Б.В. Горнунг, Б.А. Грифцов, Н.К. Гудзий, Н.И. Жинкин, Н.Н. Лямин, М.А. Петровский, Т.И. Райнов, П.Н. Сакулин, Ю.М. Соколов, Б.Г. Столпнер, М.П. Столяров, А.Г. Цирес и др.¹ Статья Ярхо «Границы научного литературоведения» была напечатана в журнале «Искусство» (см. [Ярхо 1925–1927; ср. 1927]), а одноименная книга Шпета несколько лет, начиная с 1925 г., стояла в плане изданий ГАХН. Совсем недавно были напечатаны тезисы доклада Шпета, так что

по всем опубликованным материалам, в общем, можно составить себе представление о том, что́ это была за полемика².

Доклад Ярхо открыл дискуссию. Филолог тщательно размежевывал компетенцию литературоведения и соседних дисциплин, «рассматривая: 1) идею (в отграничении от философии), 2) эмоции (в отграничении от психологии), 3) образы (в отграничении от социальных и естественных наук), 4) грамматические формы (отграничивая стилистику от языкознания) и 5) звук (отграничивая фонику от музыки, декламации и языкознания)»³. Кроме того, он устанавливал свои «пределы предмета, метода (через анализ к синтезу) и компетенции (систематика, генезис, статистика, локализация, датировка)»⁴. Иными словами, литературоведение, по Ярхо, отвечает на вопросы: что? откуда? сколько? где? когда?

Оппоненты говорили, что теория Ярхо применима главным образом к поэзии. Шпет же совершенно не соглашался с докладчиком, полагая, во-первых, что «вопросы методологии – область философии»⁵ и что у Ярхо отсутствует «логический анализ основных понятий литературоведения»⁶, и, во-вторых, – что нельзя предпочитать эмпирический метод всем остальным, так как «в целом литературного произведения всегда есть нечто творчески новое, неуловимое в границах аналитического исследования составных частей»⁷.

В своем собственном докладе Шпет продолжал полемизировать с Ярхо. Он начал с того, что оспорил естественнонаучные аналогии по отношению к задачам и методам литературной науки. Литературоведение, – полагал он, – «должно быть отнесено к энциклопедии филологии, в пределах которой оно <о> сближается с лингвистикой. Слово, как предмет литературоведения, отличается рядом специфических признаков и определяется культурным самосознанием народа, преодолевающего этническое многообразие диалектов созданием общего литературного языка. По своему содержанию литература, сохраняя культурное прошлое народа, доставляет материал для социальных наук; со стороны формы она предохраняет художественное слово от его дегенерации в устной словесности. В проблематике литературоведения следует различать техническую поэтику, стилистику, историческую поэтику, историю и теорию литературы»⁸.

Как видно уже из этого краткого отчета, Шпет пытался нащупать специфику предмета в самом поэтическом слове, которое отличается от всякого другого, «лингвистического слова», тем, что это «слово тропированное (в противоположность терминированному), художественное (в противоположность прагматическому), письменное (в противовес устному)» [СХТ: 441]. Кроме того, оно имеет собственные внешние и внутренние логические формы, которые и доставляют материал для более специальных литературоведческих дисциплин [СХТ: 442]. Ближайший контекст этих идей Шпета составляют его рассуждения о специфике эстетического объекта в «Эстетических фрагментах»: очевидно, что в докладе он повторял и развивал то, что уже осмыслил ранее (см. [Шпет 1923, III: 9–12, 23–45]).

В ответной реплике Шпету Ярхо поставил под сомнение почти все его тезисы. Если философ отделял литературоведение от естественных наук на

том основании, что оно «пользуется эвристическими методами критики и интерпретации» [СХТ: 441], то филолог говорил, что и «естествознание пользуется методом интерпретации; разве свидетельство не есть прием и для естественных наук?»⁹. Из этого замечания, между прочим, следует, что Шпет в качестве критерия разграничения естественных и гуманитарных дисциплин выдвигал «свидетельство», т. е. те формы, которые в науках о культуре всегда посредничают между познающим сознанием и его объектом. Ярхо, как видим, отводил этот критерий. «Почему обязательно необходимо свидетельство в литературоведении?» – продолжал он. – Мы можем понять литературное произведение непосредственно»¹⁰. Если же, – рассуждал Ярхо, – опосредованность – в том, что «искусство <...> отмежевано от творца, то и со словом практическим, прагматическим, не-художественным, может быть то же, – когда передатчик остается в стороне и вовсе не должен браться на учет – например, когда третье лицо читает состоявшееся судебное постановление»¹¹. На эту критику Шпет ответил, что «непосредственность и опосредованность нельзя понимать эмпирически»¹². А о том, как нужно это понимать, он писал подробнее в «Эстетических фрагментах»: «Существующий или мыслимый предмет должен быть известным образом транспонирован в сознании, чтобы стать предметом эстетическим. <...> Чувственный предмет, становясь предметом прекрасным, “идеализируется”, “эстетизируется”, “стилизуется”. <...> Эстетические формы и категории не суть формы и категории бытия, как такого, но они идеализуют бытие эмпирическое, и обратно, делают чувственно-наглядным бытие идеальное. Эстетическое по форме так же посредствует между чувственным и идеальным, как смысловое посредствует между эмпирическим и идеальным предметом по содержанию. Соответственно эстетическое сознание кореспондирует с сознанием “разумеющим”. Не только эстетические формы суть посредствующие в указанном смысле; всякие внутренние формы суть посредствующие; эстетические формы, – среди “посредствующих”, – не логические и не “формы сочетания”» [Шпет 1923, III: 8–10].

Шпет, таким образом, апеллировал к понятию внутренней формы, которое помогало ему ухватить суть эстетического объекта вообще и языка литературы в частности. Ярхо, напротив, считал понятие внутренней формы и в более широком и в более узком смысле неясным и почти бесполезным для литературоведа (см. [Ярхо 2006: 43]). Так, он, с одной стороны, вскрывает нелогичность шпетовской рубрикации поэтики, построенной на специфике внутренней формы, и это у него получается очень убедительно, а с другой, – критикует определение поэтического слова, данное Шпетом, но это у него выходит слабо.

Ярхо обращал внимание, что Шпет включает в проблематику «технической поэтики» «разнородный материал», как то: аллитерацию, ритм, рифму и заглавие, – кроме того, он отказывался считать сюжет материалом¹³. В этом пункте Ярхо более терминологически точен в пределах своей науки: формалисты приучили нас относить сюжет к форме, а не к материалу. Шпет же выработывал индивидуальное значение слова «сюжет»: это последняя реальность,

смысл, «содержание», которое лишь «принимает вид формы» (ср. лат. *materia* в значении 'предмет, тема, материал, сюжет' [Шпет 1923, III: 55–61]). А подлинной формой сюжет-смысл можно назвать постольку, поскольку не бывает «чистого смысла», но есть «смысловые формы», формы понимания [Там же: 55–58]. Игнорирование этих форм приводит в тупик: «Чем больше вдумываться в “идею” поэтического творения, тем меньше от нее останется. В итоге – всегда какой-то сухой комочек, ни мало не заслуживающий имени идеи. Остается один сюжетовый каркас, <...> вызывающий <...> разве только несносное чувство банальности» [Шпет 1922, I: 8]. Ярхо был того же мнения относительно идеи литературного произведения и просто констатировал, что от нее не требуется ни новизны, ни убедительности, а от писателя – последовательности в утверждениях. «90% всех т. н. лирических стихотворений», – писал Ярхо, – довольствуются затасканными, банальными мыслями [1927: 16–17], но его это, в отличие от Шпета, ничуть не пугало, что приводило в неистовство современную ему официальную критику (см. [Прозоров 1927: 15; Полянский 1927: 125–128]).

Что касается сущности поэтического слова, которое Шпет называл «тропированным», то Ярхо был убежден, что этого мало: «точной грани между словом тропированным и терминованным» нет; «приемы художественной речи могут быть точно фиксированными – постоянство конструкции тут не отмежевывает слова от художественности»¹⁴. Надо думать, здесь Ярхо не очень хорошо понял своего оппонента, ведь тот имел в виду скорее функцию слова и соответствующую семантическую, логическую структуру его как знака (см. [Шпет 1923, III: 28–45]). Для Шпета художественное слово есть «образ» как *sui generis* внутренняя поэтическая форма», которая может разворачиваться в целое предложение, строфу, композицию: «Евгений Онегин» тоже образ (см. [Шпет 1923, III: 33–34, 35–36]). Ярхо предпочитал говорить о строении литературных форм не как модификаций одного и того же «слова-образа», а как особых конструкций, которые надо отличать друг от друга. Необходимую связь слова с письменным знаком, констатируемую Шпетом, Ярхо отвергал начисто¹⁵.

Много лет спустя С.В. Шервинский таким образом передавал атмосферу этого диспута: «Борис Исаакович выступал защитником такого метода в изучении литературных памятников, в котором заметна была обозначившаяся тенденция к структурализму, в то время как Густав Густавович стоял на более традиционной позиции, связывавшей памятники литературы с философией, эстетикой и этикой эпохи. Диспутанты придерживались явно противоположных точек зрения, что не мешало присутствующим с одинаковым вниманием покоряться обаянию ума того и другого» [Шервинский 1996: 15].

В скрытом виде полемика продолжалась на страницах книг и статей двух оппонентов. Главное различие заключалось в самом определении литературы как предмета соответствующей науки. Для Ярхо литературный факт есть факт эстетический; критерий эстетического – необычность. Необычная фоника, необычная стилистика, необычная иконика, необычная композиция создают литературную форму, которая и является предметом изучения для лите-

ратуроведа (см. [Гаспаров 1969: 505–506; Ярхо 2006: 71, 649–650 примеч. 177, 178])¹⁶. Между обычным и необычным, очевидно, существует какая-то тонкая грань, однако Ярхо не предлагает никакого верного способа отыскать ее¹⁷. Кроме того, он не заботится и об определении эстетического объекта, полностью доверяясь в этом... Шпету. В 1927 г. Ярхо с удовольствием отметил, что в «Эстетических фрагментах» он обнаружил понятия не только эстетического, но и анти- и анэстетического объекта, что избавляет его от необходимости разьяснять их (см. [Ярхо 1927: 7 примеч. 2]). «Тожественным учением» о художественной форме Ярхо называет рассуждения философа в начале III выпуска «Фрагментов». Там Шпет писал: «Под эстетическими моментами понимаются такие моменты в предметно-данной и творческой структуре, которые связаны с эстетическим переживанием (опытом). Безразлично, квалифицируется этот опыт «положительно» или «отрицательно», как наслаждение или отвращение. Не-эстетическими в строгом смысле остаются моменты эстетически безразличные, не вызывающие ни положительной, ни отрицательной эстетической реакции» [Шпет 1923, III: 7]. Представления о двояком содержании эстетической эмоции и об отсутствии ее мы находим и в самом начале книги Шпета, где он объявляет музыку анэстетическим объектом, как и далее – природу (см. [Шпет 1922, I: 7, 13]). Отсылая своих читателей к Шпету, Ярхо тем самым отчасти освобождает себя от чисто эстетического обоснования литературной формы, но в этом он опять-таки следует рекомендациям своего академического противника: «...поэтика ведает элементарные определения подобно тому, как элементарная логика ведает некоторые первичные определения, не входя в проблематику методологии наук. Эстетика тут литературоведам и не нужна»¹⁸, – говорил Шпет еще во время обсуждения своего гахновского доклада 1924 г.

Если Ярхо и признавал, что художественную форму он понимает так же, как и Шпет, то ее роль в литературном произведении, в осознании того, что такое литература в целом, он представлял себе совершенно иначе. Ярхо как-то механистически и релятивистски, особенно в 1920-е годы, сводил литературность к количеству и плотности формальных приемов: «...деления на литературные и нелитературные произведения больше нет, а есть прогрессия: интерес литературоведа к произведению тем больше, чем многочисленнее и разнообразнее формальные элементы этого произведения <...> В вышеуказанной прогрессии и заключается главное отличие формального метода от идеологического и социологического» [Ярхо 1925: 48]. Итак, для Ярхо формальный метод предполагал метод статистический. Шпет же всегда выступал против статистического способа решения теоретических проблем, а если учесть, что главным пропагандистом «точного литературоведения» был Ярхо, то становится очевидным, что антиквантитативные выпады Шпета направлены именно против него. Поэзия, объяснял Шпет, является «подлинным свободным искусством», а речь научная, риторическая – это «типы прикладного искусства, техники. Если в этом условиться, – рассуждал Шпет, продолжая полемику с Ярхо, – то нас уже не введет в заблуждение упрощенное количественное определение, основывающееся на подсчете элементов ре-

чи того или иного типа. Несомненно, что в речи риторического типа, как иногда и научного типа», может оказаться «большое количество “образов”, тропов, что так же мало превращает соответствующий тип в поэзию, как мало поэзия превращается в научную речь, если в нее вводятся слова, составляющие термины для науки и техники» [Шпет 1927: 157]; см. также [Ярхо 1994: 266–267 примеч. 11].

В приведенном пассаже Шпет действительно не только отвечает на печатные выступления Ярхо, но также имеет в виду сказанное во время диспута конца 1924 г. Но и еще раньше, в «Эстетических фрагментах», философ выступал против сведения эстетики к математической логике. Кто так делает, бежит от одного верстового столба к другому, чтобы узнать, что такое верста. «Самое серьезное, что он мог бы узнать, – писал Шпет, – это то, что десять минус девять равняется единице» [1922, I: 8].

Что касается личных, бытовых связей, то нельзя сказать, что Ярхо и Шпет тесно общались. По свидетельству М.Г. Шторх, Ярхо никогда не бывал в доме философа. Ученые вращались в разных дружеских обществах, но эти кружки, конечно, пересекались. Среди общих знакомых были, например, М.А. Петровский и А.Г. Габричевский. Зловещим образом все четверо оказались в 1935 г. связаны одним и тем же делом, сфабрикованным на Лубянке. Шпет и Ярхо были арестованы в одну и ту же ночь, с 14 на 15 апреля 1935 г. Последний прямой отзыв Шпета о Ярхо содержится в его письме из ссылки в прокуратуру: «...с Б.И. Ярхо я просто мало знаком <...> наши научно-педагогические позиции противоположны» [Шпет 1995: 189]. Такое признание могло быть вызвано вполне понятными тактическими соображениями, а не «антипатией к противнику» (ср. [Северцева 2000: 179]). Во всяком случае, как уверяет М.Г. Шторх, в семье Шпета всегда сохранялось почтительное отношение к Ярхо, несмотря на существовавшие чисто научные разногласия.

После апреля 1935-го для обоих начались тяжелые времена. Шпета смела новая волна террора, так что общее поле взаимодействия исчезло. Теперь всякий намек на положения философии Шпета у Ярхо уже не мог быть непосредственным откликом, но только воспоминанием и интерпретацией. В тюрьме Ярхо начал писать «Методологию точного литературоведения», в которой проступают следы более основательного чтения Шпета.

Как видно по «Методологии», гахновский доклад Шпета вовсе не убедил Ярхо в «коренном различии литературоведения и естествознания»¹⁹. Через десять с лишним лет Ярхо выступал в том же духе: «Литературоведу надлежит черпать мужество, главным образом, из успехов биологии, т<ак> к<ак> она представляет ступень научности, ближайшую к нашей дисциплине и вообще к наиболее развитым из общественных наук» [Ярхо 2006: 29]. Ярхо предлагал перенести на литературоведческое исследование из биологии и «сравнительный метод, поддержанный <...> экспериментом и статистикой» [Там же]. Как признавался сам ученый, «я исходил из возражения Риккерту по поводу его разделения наук на “науки о природе” (Naturwissenschaften) и “науки о культуре” (Kulturwissenschaften). Объект первых – творения

природы, вторых – произведения человека. Главное мое возражение сводится к тому, что человек сам есть творение природы, что он подчиняется ее законам, и все его произведения – тоже. Поскольку все действия человека входят в общее течение мировой жизни, нам легче мыслить и его творческие акты внутри системы мироздания, чем вне ее, легче подчинить их общим законам жизни, чем строить для них особое законодательство без какой-либо исходной точки» [Ярхо 2006: 54].

Учение Риккерта о разделении наук на две большие области вызвало волну критики, и в России, пожалуй, самым ярким его оппонентом был как раз Шпет, который критиковал его дихотомию не с позитивистской, как Ярхо, а с феноменологической позиции²⁰: «Риккертъ проходить мимо специфически историческаго, и рѣзкое разграниченіе “историческаго” и “естественнаго” ему не удастся сдѣлать даже *логически*» [Шпет 1904: 409 примеч. 1; Мазур 2000: 22, ср. 4, 6, 17–24, 30]. В самом деле, Риккерт проводил свое разграничение наук очень осторожно и с большими оговорками, в результате он сам себе противоречил. То он утверждал, что «существует только одна действительность», поэтому «может быть только *одна наука*» [Риккерт 1911: 47], то говорил, что есть особый класс объектов, которые должны изучаться специальными методами в науках о культуре (см. [Там же: 48]). В то же время оказывалось, что науки о природе и науки о культуре – это «лишь крайніе полюсы, между которыми въ серединѣ располагается вся научная дѣятельность» [Там же: 147].

Такая эфемерность границ объясняется тем, что для Риккерта различия между природой и культурой были различиями в точках зрения. При этом он, с одной стороны, декларирует несовпадение деления по предмету с делением по методу (см. [Риккерт 1911: 49–50; ср. 55–56, 107–110, 147–162, 177–179]), с другой же, – усматривает между ними соответствие: «при изслѣдованіи жизни природы все же пользуются преимущественно естественно-научнымъ, при изслѣдованіи же жизни культуры, главнымъ образомъ, историческимъ методомъ» (разрядка моя. – М.А. [Риккерт 1911: 50–51, ср. 120]).

Выстроенные Риккертом логические обоснования предмета и соответствующего метода не устраивали не только Шпета, который считал, что у него «нѣтъ отчетливаго представленія о предметѣ наукъ и нѣтъ яснаго раздѣленія по методамъ» [Шпет 1912: 155]. Вслед за ним В.Ф. Асмус отказывался различать природу и культуру в зависимости от точек зрения, потому что «предметом определяется метод, а не методом предмет» [1927: 130]. Надо думать, Ярхо помнил логическую критику Риккерта у Шпета и его сторонников, которая, быть может, предопределила его собственную оценку: для филолога разграничение наук в зависимости от точек зрения на предмет означало отмену классификации по объекту как таковому²¹.

«Против утверждения Риккерта, – продолжал Ярхо свою критику в «Методологии», – что при различных объектах исследования нужны и различные методы, я выдвигаю следующее положение: для сходных признаков объектов сходные методы, для несходных – различные» [Ярхо 2006: 54–55]. С этим тезисом надо сопоставить принцип «логического плю-

рализма» Г.Г. Шпета, который предлагал создать «при всякой научной дисциплине ей свойственную область эвристической методологии или методики и теории познания» [Шпет 1916: 247; Мазур 2000: 110–115]. Философ считал, что характер объяснительной теории той или иной науки меняется в зависимости от предмета: «...всякое объяснение имѣеть свои предѣлы, и эти предѣлы суть предѣлы того предмета, о которомъ идетъ рѣчь» [Шпет 1912: 160–161]. Если предмет единичный, то объяснение будет индивидуальным, если предмет общий, то объяснение будет носить характер закона.

Таким образом, обсуждая Риккерта, и Шпет и Ярхо предлагали взамен противоположные друг другу взгляды на объект науки и ее методы. Оба остро ощущали нераздельность мира, доступного нашему познанию, но они слишком по-разному представляли себе характер тех закономерностей, с помощью которых этот мир может быть объяснен или понят. Если Ярхо ищет место для истории литературы в системе естественных наук, то Шпет «не уставал повторять: нет никакого основания возводить математическое естествознание во всеобщий и единственный идеал научного знания» [Мазур 2000: 5]. Напротив: он видит возможность применения специфически исторических, герменевтических методов к познанию природы: «...новый реализм должен взглянуть на природу как на знак <...> Пришло время историзировать природу и Пана...» [Шпет 1922, I: 22–23]²². Шпет стремился к «критике исторического разума» и в этом смысле призывал наблюдать, как читают, а не читать так, как натуралист наблюдает [Мазур 2000: 22, 30]. Ярхо же, напротив, брал пример с натуралиста: читал, как наблюдают.

Однако среди всех размолвок был один общий принцип, который снова сближал Шпета и Ярхо²³. В «Методологии точного литературоведения» Ярхо писал: «...никакого особого научного познания (в отличие от ненаучного) не существует: при открытии наиболее достоверных научных положений интуиция, фантазия, эмоциональный тонус играют огромную роль наряду с интеллектом. Наука же есть рационализованное изложение познанного, логически оформленное описание той части мира, которую нам удалось осознать, т<о> е<сть> наука – особая форма сообщения (изложения), а не познания. Задача этого изложения – нахождение общего, объективного языка, так как логика считается наиболее однородной психической функцией людей» [Ярхо 2006: 19–20]. Это положение, высказанное еще в 1925 г. (см. [Ярхо 1925: 45–46]), соотносимо с магистральной идеей философии Г.Г. Шпета, который считал, что слово является необходимой формой воплощения и средством познания, «*principium cognoscendi*» (см. [Шпет 1917: 44]). «Из того, что слово является главным и в конечном счете единственным источником познания, следует: “нет познания, которое не облакалось бы в логические формы”» ([Мазур 2000: 41]; ср. [Шпет 1996: 111]; о Б. Больцано как об одном из возможных источников этой идеи у Шпета см. [Мазур 2000: 87]). Ср. также: «...познание, как переживание, тогда только становится наукой и знанием, когда оно *выражается* въ словѣ» [Шпет 1917: 45]. Последователь Шпета В.П. Зубов отстаивал тот же комплекс представлений в ГАХН. Так, в докладе «Генезис научной терминологии. К истории научного языка» 5 октября 1926 г. он ут-

верждал: «Наука есть один из видов человеческого языка (нет научного бытия, есть научное изложение)» ([СХТ: 448]; ср. [Зубов 2004: 277–278; об историко-научном контексте см. [Шапир 1993: 128–129; ср. 2001]). Кроме того, рассуждение Ярхо свидетельствует о том, что он воспринял различие эвристики и логики, которого придерживался, в частности, Шпет, ср.: «Процессъ научной работы складывается изъ двухъ, въ общемъ легко различимыхъ, моментовъ: изъ момента познанія и изъ момента сообщенія познаннаго во всеобщее свѣдѣніе <...> для характеристики науки важень только второй моментъ, – какъ бы мы ни пришли къ своему знанію, существенно, чтобы оно было сообщено такъ, чтобы не вызвало сомнѣній, чтобы было доказано» [Шпет 1916: 32, ср. 247, 249; Мазур 2000: 97–98]. Шпету вторил В.Ф. Асмус: «Много есть путей, по которым истина входит в сознание человека: истина может быть найдена путем догадки, “интуиции”, методического анализа. Но каковы бы ни были эти пути – достоянием науки истина становится только с момента ее доказательства. В сущности вся логика, вся методология есть не что иное, как теория доказательства. Не о том, как находить истину, учит логика, а о том, как уже найденную – все равно каким путем – доказать, приобщить ко всему прочему составу научного знания» [Асмус 1927: 142; Мазур 2000: 98 примеч. 27]. Жесткое противопоставление эвристики и логики, познания и изложения, усвоенное Зубовым и Ярхо, самим Шпетом было преодолено еще в середине 1910-х годов (см. об этом [Мазур 2000: 101–103]; а также [Ярхо 2006: 615–616 примеч. 18]). Тем не менее для Ярхо эта идея оказалась чрезвычайно плодотворной, ибо она давала ему возможность осуществить революцию в методологии своей науки как некий сдвиг в системе понятий. В результате его исследований значительно обновилась специальная терминология: словарь обогатился новыми терминами, а старые приобрели другой смысл в количественных и коррелятивных показателях.

В заключение я хочу вернуться к тому мироощущению, которое одновременно объединяло и разъединяло Шпета и Ярхо. Ярхо не был философом, а когда брался за это дело, то приходил, как мы видели, к иному пониманию задач своей науки, чем то, которое усматривал в ней Шпет. Однако они были современники, принадлежали, в общем, к одной и той же культуре, поэтому не случайно еще одно удивительное сходство, именно в восприятии времени и истории. Когда Ярхо заканчивал свое исследование о поэтике классицистической и романтической трагедии, он обнаружил, что изменение такого признака трагедии, как среднее число говорящих в одном явлении («распределение речи»), происходит волнообразно: от корнелевской эпохи до позднего романтизма мы наблюдаем сначала постепенное нарастание признака, затем его спад. С воодушевлением Ярхо предвидел, что это наблюдение сулит в дальнейшем математическое доказательство «ритма литературных эпох» [Ярхо 1997: 254], который вливается, возможно, в общую пульсацию жизни, ощущавшуюся в те годы очень многими учеными в самых различных областях. Не было исключением и Шпет: «Восемнадцатое столетие великолепно своею монолитностью. В него влились потоки Ренессанса <...> слились в одну большую волну, и примерно к середине века вздыбилась эта волна истори-

ческого течения. Она опять ниспадает к концу века, чтобы в начале следующего подняться в многообразных переливах национальных Возрождений. Провал середины девятнадцатого столетия только резче выделяет новый взлет культурно-исторической волны к концу замечательного века. Наше время захотело быть орудием в руках злого гения истории и воздвигло поперек ее течения чудовищную военную плотину. Как игрушечную, смел ее поток духа и мысли <...> Мы – первые низверженные – вносимся выше других, быть может, девятым и последним валом европейско-всемирной истории» [Шпет 1922, I: 31–32].

Примечания

Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 03-06-80198.

- ¹ См.: РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва). Ф. 941 (ГАХН). Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 28–30.
- ² См. [СХТ: 441–442]. Об этой дискуссии см. также [Кенигсберг 1994: 175 примеч. 8; Шапир 1994: 200 примеч. 19; Акимова, Шапир 2006: v]. Архивные материалы, опубликованные в последнее время, позволяют рассматривать в кругу вопросов, затронутых полемикой, более позднюю заметку Шпета «Литература» (см. [Митюшин 1982]), а также другую редакцию этой статьи, – оба варианта готовились для «Словаря художественных терминов» (см. [СХТ: 253–259]).
- ³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 29.
- ⁴ Там же. Окончательное оформление взгляды Ярхо на этот предмет получили в статье «Границы научного литературоведения».
- ⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 30. Прерогатива философии в определении предмета и метода частных наук была у Шпета устойчивой темой (см. [Мазур 2000: 79]).
- ⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 77 об.
- ⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 30.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 28.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 6.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 6–6 об.
- ¹¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 6 об.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 7.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 6 об.
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 6 об.
- ¹⁵ См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 6 об.
- ¹⁶ Ср.: «...резкое нарушение привычных форм может служить препятствием к непосредственному положительному эстетическому восприятию. <...> незначительные, нерезкие уклонения от “нормы” могут отраженным путем играть роль, наоборот, приятного возбудителя, подобно тому, как ее играют некоторые отступления от привычного произношения» [Шпет 1923, III: 21–22].
- ¹⁷ В «Методологии точного литературоведения» Ярхо трактует необычное как искус-

- ственное и литературное, обычное же – как безыскусное и языковое (см. [Ярхо 2006: 36, 626 примеч. 65]).
- ¹⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 9. Л. 7.
- ¹⁹ Из реплики Шпета; РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 28.
- ²⁰ О критике Риккерта у Шпета и Ярхо см. также [Ярхо 2006: 615–616 примеч. 18, 639–641 примеч. 140, 141].
- ²¹ См. в его конспекте книги Риккерта: РГАЛИ. Ф. 2186 (Б.И. и Г.И. Ярхо). Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 48 об.
- ²² Ср. еще у Риккерта: «Естественнонаучная точка зрѣнія скорѣе подчинена исторической и культурнонаучной, такъ какъ последняя значительно шире первой» [Риккерт 1911: 193].
- ²³ Этим наблюдением со мной любезно поделился С.Ю. Мазур.

Литература

- Акимова, Шапир 2006 – *Акимова М.В., Шапир М.И.* Борис Исаакович Ярхо и стратегия «точного литературоведения» // *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Изд. подгот. М.В. Акимова, И.А. Пильщиков, М.И. Шапир. Под общей ред. М.И. Шапира. М., 2006. С. i–xxiv. (Philologica russica et speculativa. Т. V)
- Асмус 1927 – *Асмус В.* Логическая реформа А. Богданова: (По поводу доклада А. Богданова «Пределы научности рассуждения») // Вестник Коммунистической Академии. 1927. Кн. XXII. С. 122–144.
- Гаспаров 1969 – *Гаспаров М.Л.* Работы Б.И. Ярхо по теории литературы // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 236. Тарту, 1969. С. 504–514.
- Зубов 2004 – *Зубов В.П.* Генезис научной терминологии: (К истории научного языка). Часть первая. Язык логики и философии [1926] // *Зубов В.П.* Избранные труды по истории философии и эстетики. 1917–1930 [Сост. и предисл. М.В. Зубовой]. М., 2004. С. 277–297.
- Кенигсберг 1994 – *Кенигсберг М.М.* Из стихологических этюдов. 1. Анализ понятия «стих» / Подгот. текста и публ. С.Ю. Мазура и М.И. Шапира. Вступ. заметка и примеч. М.И. Шапира // *Philologica*. 1994. Т. 1, № 1/2. С. 149–189.
- Мазур 2000 – *Мазур С.Ю.* Обоснование гуманитарного знания в философии Г.Г. Шпета: Логический и методологический аспекты. Дисс. ... канд. философ. н. М., 2000.
- Митюшин 1982 – *Митюшин А.А.* О статье Г. Шпета «Литература» // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1982. Вып. 576: Типология культуры. Взаимное воздействие культур. Тарту, 1982. С. 149–158. (Труды по знаковым системам, XV)
- Полянский 1927 – *Полянский В.* Литературоведение и марксизм // Под знаменем марксизма. 1927. № 5. С. 119–131.
- Прозоров 1927 – *Прозоров А.* Границы ученого формализма: (Б.И. Ярхо. «Границы научного литературоведения») // На литературном посту. 1927. № 15/16. С. 8–17.
- Риккерт 1911 – *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / Перев. со второго немецкого изд. Под общей ред. С. Гессена. СПб., 1911. С. 47–48.

- Северцева 2000 – *Северцева О.С.* Г.Г. Шпет: фрагменты биографии // Густав Густавович Шпет: Архивные материалы, воспоминания, статьи / Отв. ред. Т.Д. Марцинковская. М., 2000. С. 170–182.
- СХТ – Словарь художественных терминов. Г. А. Х. Н. 1923–1929 гг. / Общая ред., послесл. И.М. Чубарова. М., 2005.
- Шапир 1993 – *Шапир М.И.* Язык быта/языки духовной культуры // Путь. 1993. № 3. С. 120–138.
- Шапир 1994 – *Шапир М.И.* Протокол заседания Московского лингвистического кружка 26 февраля 1923 г. / Публ., подгот. текста и примеч. М.И. Шапира // *Philologica*. 1994. Т. 1, № 1/2. С. 191–203.
- Шапир 2001 – *Шапир М.И.* Язык этики или этика языка? О деонтологии науки // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001. С. 257–266.
- Шервинский 1996 – *Шервинский С.В.* Воспоминания [Публ. О.С. Северцевой] // Декоративное искусство. 1996. № 2–4. С. 14–15.
- Шпет 1904 – *Шпет Г.Г.* [Рецензия на книгу:] *Zu Kants Gedächtnis: Zwölf festgaben zu seinem 100jährigem Todestage. Mit vier Beilagen.* Berlin, 1904 // Вопросы философии и психологии. Год XV. Кн. III (73). С. 406–418. В журнале: Г. Шпетт.
- Шпет 1912 – *Шпет Г.Г.* Логика: Записки слушательниц по лекциям, читанным в 1911–12 гг. на Высших Женских курсах. Ч. II. М., 1912.
- Шпет 1916 – *Шпет Г.Г.* История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. I: Материалы. М., 1916.
- Шпет 1917 – *Шпет Г.Г.* Мудрость или разум? // Мысль и слово. Философский ежегодник, издаваемый под редакцией Г. Шпета. М., 1917. <Т.> I. С. 1–69.
- Шпет 1922–1923 – *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. Петербург, 1922–1923. [Вып.] I–III.
- Шпет 1927 – *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М., 1927.
- Шпет 1995 – *Шпет Г.Г.* Сибирские письма // Шпет в Сибири: ссылка и гибель / Сост.: М.К. Поливанов, Н.В. Серебренников, М.Г. Шторх. Под ред. Н.В. Серебренникова. Томск, 1995. С. 39–211.
- Шпет 1996 – *Шпет Г.Г.* Язык и смысл / Подгот., коммент. и примеч. И. Чубарова и Т. Дмитриева // Логос. 1996. № 7. С. 81–122.
- Ярхо 1925–1927 – *Ярхо Б.И.* Границы научного литературоведения // Искусство. 1925. № 2. С. 45–60; 1927. Т. III. Кн. 1. С. 16–38.
- Ярхо 1927 – *Ярхо Б.И.* Простейшие основания формального анализа // *Ars Poetica*. Сборник статей под ред. М.А. Петровского М., 1927. [Вып.] I. С. 7–28. (Труды Государственной Академии Художественных Наук; Литературная секция. Вып. I)
- Ярхо 1997 – *Ярхо Б.И.* Распределение речи в пятиактной трагедии: (К вопросу о классицизме и романтизме) / Подгот. текста, публ. и примеч. М.В. Акимовой; предисл. М.И. Шапира // *Philologica*. 1997. Т. 4, № 8/10. С. 201–284.
- Ярхо 2006 – *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Изд. подгот. М.В. Акимова, И.А. Пильщиков, М.И. Шапир. Под общей ред. М.И. Шапира. М., 2006. (*Philologica russica et speculativa*. Т. V)